

Георгий Чулков

Полунощный свет

Георгий Иванович Чулков

Полунощный свет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664325

Чулков Г.И. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«И вот начались странные дни и ночи — дни и ночи непонятного томления. Любовь и смерть предстали в своей извечной правде.

Елена падала и вновь поднималась — и так возникали дни и ночи от бездны к полету.

Засыпала в тяжелом бреде...»

Содержание

I	4
II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Георгий Иванович Чулков

Полунощный свет

I

Воронье траурной стаей поднялось с берез, громко каркая. Закружились, падая, ржавые листья. Пели певчие, глядя по сторонам.

– Вечная память.

Ставили крест на новую могилу.

Елена прочла надпись: «И мертвые восстанут...».

Припала к могиле, к милой слепой земле; положила белые хризантемы.

«Угасла жизнь, – думала, – а все так спокойно, так тихо, так непонятно. И радостная печаль во всем – и в листопаде этом, и в небе сентябрьском. Ах, жить хочу... Любить хочу. Пусть предсмертно, пусть».

– Елена, пойдем, – сказал отец.

И они пошли по деревянным мосткам мимо могил, мимо крестов, памятников, мимо забытых и незабвенных.

Жадно Елена читала иные надписи:

«Любовь сильнее смерти», «Нет, ты не умер: ты спишь».

Ладаном пахло и осенними розами. И не верилось, что больно кому-то сейчас, что душит кого-то смерть. Прекрасна

была осень в тихой любви своей.

Села Елена с отцом в извозничью карету.

Он положил свою большую волосатую руку на ее тонкие пальцы и сказал тихо:

– Смерти не надо бояться, Елена. «Совершенная любовь изгоняет страх».

Елена закрыла глаза; не отнимала руки своей; слушала полудоверчиво.

– Тебе уже исполнилось восемнадцать лет, – продолжал отец, – но я худо тебя знаю. Я сам, конечно, виноват после смерти мамы я почти не видел тебя. Но, милая Елена, будь ко мне снисходительна и помоги мне раз мы теперь будем жить вместе, надо получше узнать друг друга. Не правда ли?

– Да, да, – сказала Елена, – надо получше узнать друг друга. И я, право, отец, люблю тебя...

Хорошо, Елена, хорошо. Я верю тебе. Но вот что я хочу. Твоя покойная тетя была добрым и приятным человеком, но одного я никогда не мог понять в ней: ее отношения к Богу, к Церкви... Она не любила говорить на эти темы и, кажется, боялась думать об этом. Я не вмешивался в твое воспитание, Елена, и теперь, конечно, я не имею права посягать на твою свободу. Но, как друг твой, хотел бы знать, разделяешь ли ты ее настроение. Думаешь ли ты о Боге?

– Думаю, отец. Но у меня нет веры. И кажется мне, что нет спасения, что все мы заблудились в лабиринте. И темно вокруг. И выхода нет.

– Ты ошибаешься, Елена. Есть выход.

Елена широко открыла глаза и пристально посмотрела на отца. Что-то необыкновенное почудилось ей в лице его.

«Он знает что-то», – подумала она.

Ей стало жутко от близости этого старика, родного и непонятного. Она отняла у него свою руку. И он замолчал. Тихо сидел в своем углу, поблескивая глазами.

Звонили московские колокола ко всенощной. И Елена представила себе, как идут вереницей чуждые ей люди к этим древним алтарям. Кому-то молятся эти люди. Во что-то верят. А город опутан телефонной проволокой; вокруг кипит жестокая и злая борьба за жизнь; торопливо бегут трамваи... И как-то странно, что среди суеты еще крепко стоят алтари эти.

Вот и Николаевский вокзал.

Степан и Марфуша дожидаются с вещами. Степан, как всегда, важен и почему-то говорит отцу «Ваше превосходительство».

Марфуша припала к плечу Елены и плачет. Пахнет от Марфуши новым ситцем и баней. Елена растрогана. Ей жутко, что уже не вернется она в московскую квартиру, не увидит тетушки...

Отец уходит в мужское отделение. С Еленой в купе едут две дамы, и Елена чувствует себя неловко: не привыкла она ездить по железной дороге.

Но вот звякнули буфера – и все поплыло назад в ста-

рую даль: начальник станции, Степан, Марфуша, заплаканная дама в трауре, столбы железнодорожные.

Пришел кондуктор готовить постель.

Елена забралась наверх; с трудом разделась, задев рука-ми за сетку для вещей, легла – и сонное томление овладело ею; засыпая, слышала дамские голоса.

Дама постарше говорила густым контральто:

– Ах, уж эта Москва. Не выношу я этой большой деревни. «Милочка! Милочка! У нас запросто. Мы – искренние; мы – сердечные». А по-моему, московская простота хуже воровства. Ей-Богу.

И приятное сопрано:

– Это правда. Что-то провинциальное в ней есть. Глупость какая-то.

Проснулась Елена в Любани. С трудом сообразила, что тетушка умерла, что она, Елена, едет в Петербург с отцом, что там ждет ее мачеха. Кто она, эта урожденная княжна Трубникова? И как странно, что она, такая молоденькая – ей всего только двадцать лет – вышла замуж за пятидесятилетнего старика.

– Вы видели, к нам седой господин заходил в купе? – спросила шепотом свою спутницу дама постарше, думая, что Елена еще спит.

– Видела. А что?

– Это – Сергей Савинов. Мне его в Петербурге показывали.

– Неужели он? Тот самый, знаменитый Савинов?

– Он. Тот самый.

Когда Елена вышла с отцом на перрон петербургского вокзала, ей показалось все вокруг чужим, почти иностранным; она подумала о том, что эти носильщики и вообще петербуржцы как-то по-своему принимают и этот сентябрь, и вокзал, и все... А для Елены все это не свое, у нее нет еще привычного взгляда на это небо и камни, и они представляются ей особенными, необыкновенными, как декорации в театре.

Дом, где жил отец, старый дом, построенный при Александре Благословенном и принадлежавший князьям Трубецким, стоял как раз против церкви Николы Морского.

– Хорошо, что напротив церковь и липы старые... – подумала Елена, входя в этот полуродной и еще неизвестный ей дом. Отец оставил Елену в гостиной одну. Ничто в этой гостиной не напоминало Елене московской обстановки. Там все было светло и чисто, а здесь, по-видимому, не заботились о порядке. Старинная мебель, рояль, темные портьеры – все было в пыли. И пахло чем-то приторным и душным – духами и ладаном.

На круглом столе лежала книжка в зеленой обложке – «Seraphita»¹ Бальзака. Елена решила погадать и развернула книжку. Ей попались на глаза строки: «L'heur a sonne, venez,

¹ «Серафита» – теософский и мистический роман О. Бальзака, созданный в 1833–1835 гг. (русский пер. – 1996).

rassamblez – vous! Chantons aux portes du sanctuaire, nos chants dissipirons les dernieres nuees»².

Елена не поняла предсказания и улыбнулась.

В это время к ней тихо подошла мачеха. Она была в черном платье монашеского покроя.

– Сергей в кабинете, – сказала она и протянула Елене маленькую нежную руку, – пойдете ко мне.

В комнате мачехи не было мрака, и Елена могла разглядеть эту хрупкую, прозрачную женщину. У нее были большие сумасшедшие глаза, лоб строгий, аскетический, а губы – красные, чуть влажные.

Она заговорила с Еленой просто, как будто давно была знакома с ней.

– Сергей пишет по ночам, засыпает под утро, а я встаю рано и брожу по дому одна. Все думаю, думаю... Я знаю, что у вас в Москве все было на иной лад и вы не можете себе представить такой жизни, как моя. Боже мой! Какие у вас молодые глаза и какие чудесные волосы. Я чувствую, что люблю вас.

Она протянула Елене обе руки и лукаво прошептала:

– А я вам нравлюсь?

Тогда Елена откровенно сказала:

– Вы – прекрасны.

И эта крупная женщина тихо засмеялась, неожиданно по-

² «Час пробил, идите. Объединяйтесь! Споем у врат святилища, песни наши развеют последние тучи».

детски, совсем без лукавства.

Через полчаса Елена уже доверчиво говорила с мачехой.

– Зовите меня просто Людмилой, – сказала она, лаская руку Елены.

– Я так рада, что вы будете жить с нами.

Потом пошли пить чай в столовую. Вышел отец Елена смотрела, как он читает большие пожелтевшие листы с греческим текстом, как она накладывает по пяти кусков сахара в стакан совсем темного чая. Она смотрела на его седые спутавшиеся волосы и думала: «Это – гений. Его знает мир. История его не забудет. И я его дочь...»

II

Недели через две Елена поехала на курсы.

Никола Морской, окруженный сентябрьскими золотыми липами, Мариинская площадь и великолепная изумительная Нева в осеннем багрянце – все пленяло Елену.

И весь он, Северный Город, казался таким умным и большим. Вот и Васильевский остров: набережная, иностранные пароходы, морской ветер...

Вот и курсы. В канцелярии с любопытством смотрят на Елену.

– Это дочь Сергея Савинова... Из канцелярии – в приемную.

– Клавдия. Это – ты?

Клавдия Пояркова – московская подруга: милые мальчишеские глаза, темный пушок над верхней губой... И здесь, как в московском пансионе, окружена толпою и ораторствует.

Ласково блеснула глазами Елене.

– Товарищи! На сходку!

Аудитория полна. Жужжат курсистки, как большие пчелы. Елена забралась на верхнюю скамейку. Шум и возбуждение приятно ее волновали.

Елена плохо соображала, о чем спорят и в чем дело, но было ей весело: девушки, бледные от волнения, поднимали

руки, как бы для клятвы, говорили что-то о народе и революции.

Молодость бунтовала.

И Елене хотелось кричать вместе со всеми «товарищи» и «пролетариат». И когда сходка кончилась и все с пением потекли из аудитории, Елена тоже запела и глаза ее сияли.

Клавдия нашла Елену в толпе и потащила к себе. Она жила на Восьмой линии.

В маленькой комнате стояла белая девичья постель. К обоям были пришпилены Маркс, Лассаль и Бебель и еще кто-то. На столе валялся томик Максима Горького. Пили чай с сухарями. Клавдия расспрашивала Елену, мило и наивно поднимая свои темные брови.

– Ты большевичка или меньшевичка?

Елена не поняла вопроса. И слова эти почему-то напомнили ей малороссийские «черевички». Елене хотелось засмеяться, но она робко спросила Клавдию:

– А что это значит «большевичка»?

Клавдия посмотрела на Елену с изумлением.

– Как? Ты не знаешь?

Она стала деловито рассказывать о том, что ей казалось важным и значительным.

Елена покорно слушала. Потом неожиданно для себя спросила:

– Клавдия? Ты влюблена в кого-нибудь? Она покраснела и отвернулась:

– Не знаю. Какая ты чудачка. Кто-то постучал в дверь.

– Войдите, – крикнула Клавдия преувеличенно громко.

Вошли два студента.

– Это – Тарбут Николай Петрович, – сказала Клавдия, – а это – Василий Иванович Андриюшин.

– Ну, что сходка? – спросил Андриюшин, потряхивая весело светлыми кудрями.

Клавдия стала рассказывать. Смущалась почему-то, краснела, хмурилась забавно.

«Клавдия влюблена в этого Андриюшина», – подумала Елена.

Тарбут стоял молча. Лицо у него было смуглое, почти оливковое, и что-то было в этом лице не наше, что-то древнее египетское. На губах улыбка странная. И глаза сияли сурово.

Андриюшин говорил о сходке, о том, что Максим Горький – чудесный писатель, и еще о чем-то, но Елена все время чувствовала, что ему хочется говорить только об одном – о Клавдии и о любви своей.

Елена стала прощаться – и Клавдия нерешительно ее удерживала.

– Мне тоже пора, – сказал Тарбут.

Он вместе с Еленой вышел на улицу.

«Какая странная фамилия у этого студента: Тарбут, – подумала Елена, – и не поймешь, какой национальности он».

– Когда-то я увлекался сочинениями вашего отца, – ска-

зал Тарбут, – а вы? Что вы думаете о них?

Елена улыбнулась.

– Вы уже перестали увлекаться ими, а я еще не успела разгадать их по-настоящему. Я не все понимаю в сочинениях этих...

– Да, вы – молоды, но в глазах ваших есть что-то отцовское, что-то мудрое.

Елена молчала.

– Это ничего, что я с вами иду? – спросил Тарбут. И, не дожидаясь ответа, прибавил, – мне с вами легко. С вами, кажется, молчать можно. Я люблю молчать.

– И прекрасно. И я не очень умею говорить.

Они пошли на Невский, смешались с толпой, с торопливой и жуткой петербургской толпой. Елена пьянела от нее.

На Садовой свернули, пошли к Летнему саду.

С крайней дорожки было видно, как скачут солдаты на Марсовом поле. Бодро звучала медь трубача. И медный отблеск на деревьях и на сентябрьской дорожке, в небе, на облаках, казалось, вторит боевой трубе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.